

Т.М. Халецкая

кандидат юридических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

СЕКУНДАРНЫЕ ПРАВА В НАУКЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Статья посвящена рассмотрению понятия секундарного права. В статье анализируются подходы к определению правовой природы секундарных прав, раскрываются признаки секундарных прав, позволяющие провести отграничение этих прав от иных явлений (правоспособности, субъективных гражданских прав).

The paper considers the concept of sekundary rights. This article analyzes the approaches to defining the legal nature of sekundaryh rights disclosed signs sekundaryh rights to enable delimitation of the rights of other phenomena (standing, subjective rights).

Секундарные права — это категория прав, необоснованно лишенных какого-либо внимания со стороны отечественных ученых цивилистов. Однако теория секундарных прав имеет довольно долгую историю. Впервые на феномен секундарных прав (*Gestaltungsrechte* — правообразовательное, правообразующее, конститутивное право) обратил внимание немецкий ученый, занимавшийся вопросами международного права, Э. Цительман, а первое специально исследование этих прав провел немецкий цивилист Э. Зеккель. Результатом этих исследований стала выпущенная в 1903 г. в Берлине монография «Секундарные права в гражданском праве».

Первым в российской цивилистике к теории секундарных прав обратился А.Э. Вормс, а вслед за ним М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина. В настоящее время изучением секундарных прав занимаются в основном российские цивилисты: В.А. Белов, Г.А. Вакулина, Ф.О. Богатырев, А.С. Слюсарев, Е.В. Вавин, С.А. Иванова. В 2006 г. А.В. Бабаевым была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Проблема секундарных прав в российской цивилистике».

Целью настоящей статьи является установление возможности существования в гражданском праве такого явления, как секундарные права и определение природы этих прав.

Отметим, что все, кто в своих работах, так или иначе затрагивал проблему секундарных прав, пытались ответить на два вопроса: существует ли такое явление как секундарное право, и если да, то какова его юридическая природа? При первом приближении данные вопросы кажутся исключительно академическими, не имеющими какого-либо практического значения. Действительно, ни в законодательстве советского периода, ни в современном отечественном законодательстве этот или схожий термин никогда не употреблялись. Не встречались нам и судебные решения, в которых суд обратил бы внимание на суть рассматриваемого явления.

Вместе с тем при подготовке данной статьи нами было обнаружено весьма примечательное дело из российской судебной практики. Суть дела заключается в следующем. В июне 1996 г. в районный суд Москвы обратилась Р. с иском о признании договора купли-продажи квартиры с условием пожизненного содержания с иждивением недействительным. В апреле 1997 г. Р. изменила предмет иска и потребовала расторгнуть договор на основании того, что ответчик не выполняет принятые на себя по договору обязательства. В июле 1997 г. Р. умерла, и дело было приостановлено. Но уже в декабре 1997 г. определением того же суда в дело в качестве правопреемника допущена наследница Р., в связи с чем производство по делу было возобновлено.

Решением суда от 27 января 1999 г. указанный договор был расторгнут. Судебная коллегия Мосгорсуда оставила решение суда первой инстанции без изменений. Президиум Мосгорсуда и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ оставили без удовлетворения протесты соответственно прокурора Москвы и заместителя Генерального прокурора РФ, а 10 января 2001 г. Президиум Верховного Суда РФ своим постановлением оставил без удовлетворения протест заместителя Генерального прокурора.

В протесте заместителя Генерального прокурора РФ утверждалось, что в основе вынесенных судебных решений лежало ошибочное суждение о том, что спорные правоотношения допускают правопреемство. В протесте указывалось, что поскольку обязательства покупателя квартиры Д. по обеспечению ухода и содержанию продавца Р. подлежали исполнению непосредственно в пользу последней (т.е. неразрывно были связаны с личностью Р.), то они прекратились вследствие ее смерти. Следовательно, к наследнице Р. не могло перейти вытекающее из договора право требования к Д. по предоставлению содержания и ухода, равно как и право требовать расторжения данного договора ввиду существенного нарушения его условий.

Президиум Верховного суда РФ в своем постановлении указал, что в соответствии с п. 1 ст. 605 Гражданского кодекса РФ обязательства пожизненного содержания с иждивением прекращаются смертью получателя ренты. В силу личного характера обязательства пожизненного содержания с иждивением к наследнику получателя ренты не может перейти право требования по предоставлению содержания. Далее Президиум делает ключевой вывод — предметом спора по делу является не защита права требования по предоставлению содержания, а требование получателя ренты о возврате недвижимого имущества (квартиры) в результате нарушения плательщиком ренты своих обязательств, т.е. требование о расторжении договора купли-продажи квартиры. Данное требование было заявлено самой Р., а после ее смерти поддержано ее наследницей. В заключении Президиум отметил, что в правоотношениях по возврату квартиры правопреемство является допустимым, поэтому суд правомерно допустил к участию в деле наследницу истицы.

Приведенный пример вызывает два вопроса: правильно ли поступили суды, допустив правопреемство в процессе и, если да, то каков предмет правопреемства в данном деле?

Для ответа на поставленные вопросы проанализируем приведенный пример. Сразу оговоримся, что мы считаем допустимым и не противоречащим закону правопреемство в подобных делах. Однако, на наш взгляд, судом неверно был определен предмет правопреемства (хотя это в целом не повлияло на правильность вывода, сделанного Президиумом Верховного суда РФ). Совершенно очевидно, что предметом правопреемства не могло являться право получателя ренты на получение содержания по договору, поскольку закон однозначно указывает на личный характер требований получателя ренты. И данного тезиса суды при вынесении решений строго придерживались.

В то же время Президиум Верховного суда РФ указал на допустимость правопреемства «в правоотношении по возврату квартиры». С этим тезисом трудно согласиться по следующим причинам: истица умерла еще до вынесения судом решения о расторжении договора, а значит расторжение договора к моменту ее смерти еще не состоялось и, следовательно, не могли наступить последствия, связанные с расторжением договора. В данном случае, на наш взгляд, правильнее было бы говорить о правопреемстве не в правоотношениях по возврату квартиры, а в праве на расторжение договора.

По мнению ряда авторов [2], право на расторжение договора относится не к субъективным правам, а именно к секундарным, а приведенный пример подтверждает реаль-

ность существования данной категории прав и необходимость в связи с этим учитывать юридические особенности данного правового явления.

Итак, что же такое вторичные права и можно ли говорить о необходимости их выделения в отдельную категорию прав?

Автор теории вторичных прав Э. Зеккель утверждал, что вторичные (образующиеся) права представляют собой особый юридический феномен, существующий наряду с правоспособностью и субъективными правами. Содержанием данных прав является возможность управомоченного лица установить (преобразовать) конкретное правоотношение с помощью односторонней сделки. Их особенность заключена в том, что им противостоит не обязанность, а связанность другого лица действиями управомоченного субъекта [5, с. 760].

Анализируя вексельные бланки, т.е. документы, содержащие не все реквизиты векселя, А.Э. Вормс останавливается на анализе вопроса о правоотношении, возникающем вследствие выдачи векселя, в котором не указан ремитент. По мнению ученого, выдача векселя является вещным договором, который осложняется обязательственным «договором о заполнении», предоставляющим право бланкопринимателю заполнить недостающие реквизиты и обратит документ в вексель [5, с. 760]. Данное право, по мнению А.Э. Вормса, относится к «категории субъективных прав, которое современная немецкая юриспруденция определяет как один из видов вспомогательных прав... Эта категория прав характеризуется тем, что ими предоставляется правомочие односторонним юридическим действием изменять положение другого субъекта... Правомочие, предоставляемое договором о заполнении бланка, несомненно, относится к разряду прав на установление правоотношений» [5, с. 760].

Анализ ряда работ, так или иначе затрагивающих проблему вторичных прав, позволил выделить три подхода к оценке их правовой природы:

1) вторичные права — это разновидность субъективных прав (С.Н. Братусь, В.И. Серебровский, Е.М. Денисевич). «Мы исходим из ... широкого понимания субъективного права, — пишет С.Н. Братусь, — поэтому полагаем, что так называемые вторичные права являются субъективными правами». При этом ученый видит сущность субъективного права в возможности и обеспеченности известного поведения. Субъективное право обеспечивается существованием обязанности, а обязанность, являясь также мерой поведения, представляет собой необходимость этого поведения со стороны обязанного лица. По справедливому замечанию В.А. Белова, подобное утверждение С.Н. Братуся является уязвимым местом в его концепции, поскольку вторичному праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность этим правом [5, с. 764];

2) вторичные права — это особое правовое явление, которое невозможно отнести к субъективным правам. Опираясь на значительное количество источников континентального права, М.М. Агарков сделал вывод о существовании наряду с субъективными правами и за их пределом возможности «...создать, изменить или прекратить юридическое отношение посредством одностороннего волеизъявления» [4, с. 60]. Отмечая, что закон называет такие возможности правами, ученый ставит вопрос: «являются ли такие возможности правами в собственном смысле, как право собственности, право залога, право кредитора требовать исполнения от должника и т.п.?» [4, с. 60]. М.М. Агарков дает на этот вопрос отрицательный ответ. Как указывает М.М. Агарков, субъективному праву всегда противостоит обязанность другого лица, между тем как иногда совершаются юридические действия, которым противостоит не обязанность, а лишь связанность другого лица. Например, лицо, сделавшее оферту, еще не обязано перед адресатом оферты, но связано возможностью получения от него акцепта. У получателя оферты не возникло еще субъективное право, поскольку договор не заключен, связанность не превра-

тилась в обязанность, количество не перешло в новое качество. Но у него имеется все же нечто большее, чем вообще способность заключить договор — он может путем акцента заключить данный договор. Поэтому у него нет субъективного права, но есть «образующееся», или так называемое секундарное право.

Следует отметить, что в более поздних работах М.М. Агарков, хотя и продолжал признавать определенное юридическое значение за секундарными правами, фактически стал смешивать их с правоспособностью, но не с общей, а с «динамической», поскольку она изменяется в зависимости от конкретной обстановки, в которой действует субъект.

Более последовательным приверженцем идеи самостоятельности секундарных прав был А.Г. Певзнер. Ученый рассматривал эти права как юридическую форму взаимной (обоюдной) связанности поведения двух или более конкретных лиц, т.е. нечто большее, чем проявления правоспособности, но нечто меньше, чем субъективные права. Он разделяет все правовые явления, относимые к секундарным правам, на две группы: 1) права, являющиеся предпосылками возникновения правоотношения (право на акцепт, право на принятие наследства), и 2) права, входящие в уже существующее правоотношение (право расторжения договора, право выбора в альтернативном обязательстве). Первая группа прав, считает А.Г. Певзнер, не является субъективными правами. Отношения между лицами, обладающими правами первой группы, образуют промежуточное правоотношение. Такое правоотношение своим содержанием имеет взаимную связанность поведения участников, а не права и обязанности [4, с. 61];

3) представители третьей группы (Р.О. Халфина, О.С. Иоффе) полагали, что в гражданском праве нет каких-либо оснований для выделения особой группы секундарных прав. Отрицая теорию секундарных прав, А.С. Слюсарев приводит следующие аргументы:

- во-первых, подобная теория противоречит воле сторон, которые намеревались предоставить полноценное, а вовсе не секундарное право;
- во-вторых, во многих случаях лицо может сразу осуществить свое право или отказаться от него, причем подобные действия носят распорядительный, а не правопорождающий характер;
- в-третьих, нет практической необходимости в «умножении сущностей», ибо отношения всех участников могут быть объяснены привычными конструкциями [7].

Не трудно заметить, что основным «камнем преткновения» во всех приведенных точках зрения на природу секундарных прав является вопрос о соотношении правоспособности, субъективного права и секундарного права. На наш взгляд, секундарные права нельзя отождествлять ни с правоспособностью, ни с субъективным правом. Напомним, что в классическом представлении, секундарное право — это юридически обеспеченная возможность лица с помощью односторонней сделки создать, изменить или прекратить правоотношение. В литературе приводят обычно достаточно обширный перечень примеров тех прав, которые могут быть отнесены к секундарным, а именно: право акцепта; право принятия наследства; право поверенного представлять интересы доверителя; право кредитора выбрать один из предметов альтернативного обязательства; право на расторжение договора; преимущественные права; права на участие в формировании воли юридического лица; права третьего лица, в пользу которого заключен одноименный договор; права, условно обозначаемые термином «права контроля» (права, заключающиеся в возможности в одностороннем порядке запретить или разрешить совершить определенную сделку); права лишаящего действия (те секундарные права, в результате осуществления которых умалывается или прекращается право пассивной стороны: право на полный или частичный отказ от исполнения договора, право хранителя продать вещь, принадлежащую поклажедателю при неисполнении обязанности взять вещь об-

ратно; право перевозчика реализовать не востребованные грузы и т.д.) [1; 5, с. 785—805].

По смыслу ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь под правоспособностью понимается способность иметь гражданские права и обязанности. Правоспособность является необходимым условием для приобретения субъективных прав. В отличие от правоспособности, которая включает в себя все потенциально возможные права лица, допускаемые законодательством, субъективное право выражает реализованную возможность определенного поведения, обеспеченную соответствующей праву обязанности другого лица. Секундарное же право, также как и субъективное, дает его обладателю возможность определенного поведения, но этому праву не противостоит обязанность другого лица совершить определенные действия или воздержаться от их совершения. (В случае секундарных прав принято говорить не о корреспондирующей им обязанности, а о связанности лица секундарным правом или о секундарной обязанности).

Говоря о соотношении правоспособности, субъективного и секундарного прав, Ф.О. Богатырев отмечает, что секундарное право находится между правоспособностью и субъективным правом. «Если признать, — пишет Ф.О. Богатырев, — что правоспособность и субъективное право — это две конечные точки одной линии со значением ноль и единица, то секундарное право уже не ноль, но еще не единица... возникновение секундарного права есть нечто большее, чем правоспособность. Но секундарное право еще не субъективное право, которое возникает в результате реализации первого. Так, получив оферту, ее адресат имеет уже не абстрактную возможность заключать договоры..., а возможность заключить договор с конкретным лицом» [2].

В литературе в качестве принципиального отличия секундарных прав от иных видов прав называют также их целевую направленность, которая выражается в том, что они выполняют служебную роль и не приводят к получению блага, а призваны сформировать субъективное право на получение блага [3, с. 79].

Секундарным правам присущи и другие особенности, отличающие их от субъективных прав. Во-первых, характерной чертой секундарного права является то, что ему противостоит связанность пассивной стороны. В данном случае речь идет о том, что адресат (адресаты) субъекта секундарного права вынужден(ы) претерпевать последствия совершения последним юридически значимых действий и при этом пассивная сторона не может воспрепятствовать наступлению таких последствий. Анализируя указанную особенность секундарного права, доктор юридических наук С.А. Иванова отмечает необходимость переосмысления традиционного подхода к рассмотрению правоотношения как отношения двух субъектов, связанных друг с другом взаимными правами и обязанностями. По ее мнению, подобная концепция правоотношения «не вполне удовлетворительно объясняет многие аспекты современной правовой практики». Поддерживая идею существования секундарных прав, С.А. Иванова предлагает следующее определение правоотношения: правоотношение — это правовая связь, порождающая субъективные права и (или) юридические обязанности участников, либо только правовая связанность субъектов частного права их односторонними действиями [6]. Во-вторых, секундарные права и обязанности могут переходить по наследству (об этом свидетельствует рассмотренное выше судебное дело). Несмотря на то что в законодательстве ни сейчас, ни ранее не указывалось на возможность включения секундарных прав в состав наследства, в литературе приводились теоретические примеры, иллюстрирующие возможность включения их в состав наследства, наряду с субъективными правами и обязанностями. Так, И.Б. Новицким была высказана идея о допустимости возможности перехода по наследству обязанности оферента придерживаться сделанного предложения. Секундарные права могут переходить и в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица. В-третьих, секундарное право не может передаваться по сделке [2]. На-

пример, право на расторжение договора нельзя по воле одной из сторон договора отделить от требования (обязательственного права), т.е. нельзя отдельно уступить право на расторжение договора, оставаясь при этом субъектом требования.

В заключение отметим, что несмотря на негативное отношение науки гражданского права к идее о возможности существования права, не обеспеченного обязанностью, следует констатировать, что такие права объективно существуют (наряду с правоспособностью и субъективными правами) и нуждаются в исследовании и систематизации.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабаев, А.Б.* Проблема вторичных прав в российской цивилистике: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Б. Бабаев. — М., 2006. — 157 л.
2. *Богатырев, Ф.О.* Вторичное право на примере постановления Президиума Верховного Суда России / Ф.О. Богатырев // Журнал российского права [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: http://for-expert.ru/articles/zhrnal_rp-2-2005.html
3. *Вавилин, Е.В.* Вторичные права в механизме осуществления прав и исполнения обязанностей / Е.В. Вавилин // Вестн. Саратов. гос. акад. права. — 2009. — № 1. — С. 77—79.
4. *Вакулина, Г.А.* О вторичных правах в науке гражданского права России / Г.А. Вакулина // Фундам. исслед. — 2008. — № 11. — С. 60—61.
5. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт-Издат, 2007. — 993 с.
6. *Иванова, С.А.* К вопросу о понятии вторичных прав и правоотношений / А.С. Иванова // Власть закона [Электронный ресурс]. — 2010. — № 2. — Режим доступа: <http://twirpx.com/faile/344546>
7. *Слюсарев, А.С.* Вторичное право третьего лица / А.С. Слюсарев // Материалы XXXVIII науч.-техн. конф. по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008 год // Сайт Северо-Кавказского государственного технического университета [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: <http://science.ncstu.ru/conf/past/2009/xxxviii/dop-phil/01>

Статья поступила в редакцию 01.12.2011 г.